

Навстречу 90-летию со дня рождения М.К. Петрова

**МАЛОИЗУЧЕННЫЕ АСПЕКТЫ ТВОРЧЕСТВА
М.К. ПЕТРОВА: ЗАМЕТКИ СТУДЕНТА И ЧИТАТЕЛЯ
(статья вторая)**

В.П. Макаренко

Южный федеральный университет

Аннотация: *В статье в контексте советской ментальности анализируются символы и ключевые концепты повести М.К. Петрова “Экзамен не состоялся”. Выделяются несколько ключевых фигур: придворного философа, циника, коммуниста-философа-разведчика и др. Рассматриваются проблемы критики и самокритики в жизни советского общества, соотношения веры и знания, определение и понимание науки, отношение между философией и практикой, а также другие малоизученные аспекты творчества М.К. Петрова.*

Ключевые слова: *науковедение, петрововедение, социальная критика, философия, практика.*

В 1960 г. Михаил Константинович Петров написал повесть «Экзамен не состоялся» и послал ее в Центральный Комитет Коммунистической Партии Советского Союза, членом которой он состоял. Это сочинение стало поводом для его исключения из партии. В петрововедении обычно указанием на данный факт ограничиваются. С.С. Неретина рассказала о трудностях публикации повести в журналах «Знамя» и «Новый мир» даже «...в то время, когда еще не осмотрелись, не знали точно: можно ли? И оглядывались» [Неретина 1995: 6]. Впервые повесть была опубликована в журнале «Дон» в 1989 году с предисловием А. Стреляного. А в 2012 году републикована в журнале «Политическая концептология». В письме в редакцию Гали Дмитриевна Петрова (вдова) сообщила, что в оригинале повести Михаил Константинович писал о духовной смерти партии, а не о «кризисе партии», как скорректировали редакторы журнала «Дон» в публикации 1989 г. [Петрова 2012].

Но дело не только в перепуганных редакторах. «Повесть М.К. Петрова, — пишут В.Н. Дубровин и Ю.Р. Тищенко, — полна смыслов и значений, содержание которых обнаруживается и раскрывается в зависимости от того, кто и когда это произведение читает» [Дубровин, Тищенко 2010: 35]. Ю.Р. Тищенко проанализировал основные темы «контекста-истории» повести М.К. Петрова. Среди них Юрий Романович отмечает параллель между Русской православной церковью и российской коммунистической церковью. И приводит пример, как на партийном активе МГУ выступал секретарь ЦК КПСС и назвал марксизм «нашей религией» [Тищенко 2003].

Систематическое исследование параллелей между РПЦ и российской коммунистической церковью осуществил О. Хархордин. В результате такого сходства возник ряд непредвиденных следствий советского государства: становление массового лицемерия — культивирование публичной лояльности принятому образу жизни взамен действительной сознательности; участие в ритуалах советского государства, подавляющего политические свободы, давало все больше социальных свобод, гарантирующих потребление и преуспевание взамен свободы совести; это способствовало преобразованию подвластных партийно-хозяйственному активу предприятий в частную лавочку¹.

Но меня сейчас интересует другой вопрос: каков был социологически конкретный ментальный контекст написания повести и можно ли считать ее источником проблемного единства творчества Петрова, обнаружение которого является главной задачей биографического анализа?

Советский менталитет в эпоху «десталинизации»

Для ответа на первую часть вопроса я использую капитальный труд Б.А. Грушина, в котором содержится общая картина советского менталитета. Причем, Б.А. Грушин описал как раз рубеж 1950-60 гг., т. е., того времени, которое изображено в повести Петрова. Объектом исследования Б.А. Грушина был Таганрог, который находится от Ростова-на-Дону на расстоянии чуть более 60 километров. Это может служить основанием для отождествления таганрогско-ростовской ментальности с общей советской ментальностью².

В массовом сознании тогда лидировали интересы к политике, искусству и морали. Люди интересовались международной обстановкой, но оставались безразличны к участию в политике. Большинство было довольно статусом «рядовых строителей коммунизма». Коммунистическая идея постоянно обсуждалась большинством населения, хотя не воплощалась на практике. Но коммунистическое сознание было результатом обработки населения Агитпропом, а не плодом самостоятельных размышлений. Его корни уходят в советскую мифологию. Она объяснила ход истории, пообещала людям светлое будущее, создала и распространила идеи и образы, к которым пристегнула «вторую реальность» и втянула в нее огромные массы. Личные интересы целиком подчинялись государственному — согласно правилам: «не коллектив для личности, а личность для коллектива», «не государство для индивида, а индивид для государства».

Господствовало рациональное сознание, элементы веры и религии встречались редко. В менталитете преобладали суждения о фактах личного бытия; затем шли оценки; предложения

¹Он использовал концепции Д. Норта и М. Фуко для анализа следующих проблем: генеалогия российской/советской личности и коллектива; церковные суды в дореволюционной России и Центральная Контрольная Комиссия (далее ЦКК) в СССР; коллектив как объект и субъект познания и действия; личность как объект и субъект познания и действия; коллектив и личность в зрелом советском обществе. Материалом исследования служат документы истории православной церкви, государства, КПСС, Советов на протяжении существования Московского княжества, Российской империи и СССР. О. Хархордин показал, что существует органическая связь между православным и большевистским отношением к индивиду, коллективу и личности. Сходство православного и коммунистического дискурса состоит в воспитании, увещании, исключении. Отличие состоит в следующем: сознательность (совесть) объединяет протестантов и большевиков; в основе индивидуальной души на Западе лежала исповедь, а в основе индивидуальной души в России — покаяние; православно-коммунистическая коллективность закрепила горизонтальный надзор; тирания власти в СССР опосредовалась коллективом; неформальные нормы массового поведения в СССР — это добровольный взаимный надзор. См.: Хархордин 2002.

²Пятидесятилетний опыт социологических исследований советского менталитета воплотился в следующих параметрах анализа: круг интересов; морфология сознания; информация (знания); способность суждения; ценностные ориентации; отношение к обществу; эмоционально-психологический тонус; реактивные способности; структура сознания в терминах «монизма/плюрализма»; структура сознания в терминах «цельности/разорванности». См.: Грушин 2006: 839-879.

о решении проблем встречались редко, ограничиваясь сферой быта и производства. За пределами этих сфер люди слепо повторяли утверждения институтов власти. Советские люди доверяли партии и государству, поэтому их менталитет был не критическим. Были широко распространены мифологемы (типа «система социализма имеет коренные преимущества перед системой капитализма», «народ и партия едины», «венцом творения на Земле является советский человек»). Морфемы менталитета зависели от официального сознания. Массовое сознание было несвободным. Оно зависело от коммунистической идеологии, находилось в плену советской пропаганды и мифов о строительстве «светлого будущего». Но такая зависимость не была абсолютной. Полностью уклониться от идеологии большевизма смогло лишь небольшое число людей. Но большинство нередко занимало позиции, отклонявшиеся от официальных, благодаря природной силе обыденного сознания, верности здравому смыслу. Это было вызвано духом критицизма, обилием нерешенных проблем и возникшей (после XX съезда КПСС) возможностью открыто и негативно высказываться по поводу «злоб дня».

Объем знаний об обсуждаемых предметах был удовлетворительным, кроме суждений о зарубежной культуре и достижениях Цивилизации XX в. Значительно хуже было качество знаний, т. е. уровень понимания людьми обсуждаемых вещей. Господствовали туманные представления о главных официальных сюжетах — коммунистическом обществе и способах движения к нему. Низкая компетентность масс была обусловлена недоступностью многих предметов, требующих профессиональной подготовки, отсутствием доступной массам информации относительно многих предметов, низким качеством информации, проникавшей в массовое сознание «со стороны». Особенно это касалось сюжета о строительстве коммунизма, поскольку ни классики марксизма-ленинизма, ни идеологическое ведомство ЦК КПСС за сто лет бесконечных разговоров о «светлом будущем человечества» так и не удосужились дать людям четкую, конкретную и ясную картину будущего.

Способность суждения была высокой в случае суждений-«фотографий» и «авто-фотографий»; достаточно высокой в случае оценок; низкой в случае с аргументацией мнения и совсем низкой при аналитических высказываниях, которые требуют умения проникать в суть вещей и причинно-следственных связей. Общая способность судить о себе и мире была средней. На способность суждения в сфере социально-демографических признаков респондентов влияли два фактора: уровень образования и мера включенности людей в предмет разговора. Первый из них работал однонаправленно (чем выше образование — тем выше способность суждения), второй усиливал или ослаблял указанное свойство менталитета.

Наиболее важными ценностями массового сознания были мир на Земле, высокая духовность и нравственность. Первую ценность люди связывали с судьбой их самих, близких и всего человечества. Мир на Земле представлялся главным условием осуществления грандиозных планов СССР и мировой победы социализма. Вторая ценность ставила на второй план личное богатство, материальные блага, достаток. Мир вещей котирировался ниже мира идей.

Однако среди приоритетных ценностей отсутствовал творческий труд. Для большинства он был способом заработать на жизнь. Зато высоко ценилось образование: как путь к интересному труду «по способности», условие продвижения по службе, механизм общественно-политической карьеры.

Ценность «мира на земле» была равнозначной «благополучию Родины». Но вторая ценность не была ни традиционной, ни общечеловеческой. Она открывала блок советских ценностей, который порождал оппозицию «мы — они», «социализм — капитализм». Большинство не раздумывало: «социализму — да, капитализму — нет!» Но некоторая часть населения (преимущественно среди молодежи) судила иначе. Ориентировалась на западные, т. е. «капиталистические» модели общественной жизни, что свидетельствовало о неблагополучии.

По отношению к социально-политическому строю в составе населения различались три типа масс: адепты — истые приверженцы строя; конформисты — составлявшие большинство законопослушные члены общества; нонконформисты — составлявшие меньшинство члены общества, находившиеся в явной или скрытой оппозиции к нему. Отношение двух первых типов к власти базировалась на доверии людей к общему курсу и текущей политике «партии и правительства» и традиционном представлении: прогресс в жизни общества и решение любых социальных, экономических, культурных проблем есть дело рук государства, а не народа. Третий тип масс включал разный состав (от политических диссидентов до «золотой молодежи»). Но боязнь преследований вела к тому, что в обществе не было легитимных условий для формирования и явного выражения негативного отношения к институтам власти.

Важный показатель этого свойства менталитета — отношение к руководителям. В нем проявлялись склонность к персонификации власти, отождествлению коллективных органов управления с их руководителями, выделение из круга лидеров одного Вождя. В таком качестве оценивался Н.С. Хрущев. Затем шла пестрая оценка разных аспектов деятельности Вождя в диапазоне от «главного миротворца на Земле» до «кукурузника».

Мера энтузиазма была непостоянной, зависела от предметов обсуждения и личной житейской ситуации. Первым основанием позитивного эмоционального тона масс были характерные для большинства две высокие меры — удовлетворения своей жизнью и оптимизма при взгляде в будущее. То и другое объяснялось тем, что война как главная помеха счастья казалась стопроцентно устраненной, а правительственная программа роста народного благосостояния вселяла уверенность в том, что все идет к лучшему.

Люди демонстрировали высокую витальную и вербальную активность в части инициатив, общения и деклараций о готовности действовать для решения жизненных проблем. Были распространены склонность к резонерству, морализаторству, чтению нравоучений всем и каждому, нетерпимость к инакомыслию в сферах идеологии и морали при одновременном попустительском отношении к привычным формам негативного поведения в труде и быту, страсть к вмешательству в чужую жизнь и публичным судилищам над «провинившимися». В массовых реакциях на события и деяния зарубежных персонажей превалировали агрессивность по отношению к классовым врагам-«империалистам»; враждебность к буржуазному образу жизни; настороженность в отношении малопонятных явлений чужеземной культуры и заученное дружелюбие плюс лозунговая солидарность, адресованные соратникам по «борьбе за мир и социальный прогресс».

В этот период не только идеология, но и социальная наука настаивали на господстве в советском обществе морально-политического единства народа. Однако в результате исследований был установлен факт *дифференциации* взглядов людей как нормы массового сознания. Единодушие масс вело к тому, что структура общественного мнения оказывалась то монистическо-плюралистической, то плюралистическо-монистической, в зависимости от удельного веса в этой структуре совпадающих и расходящихся мнений. Единодушие зависело от предмета дискуссии, особенно от двух его характеристик: логического объема содержания и близости содержания к сфере идеологии: чем предмет брался абстрактнее и чем теснее он был связан с идеологическими ценностями, тем суждения о нем поддерживались большим числом голосов; чем разговор о предмете становился детальнее и чем предмет был «заземленнее», тем меньшее число людей имели на него одну и ту же точку зрения.

Советское общество жило двойной жизнью, функционировало в двух мирах. В одном из них шла нормальная жизнь, схожая с жизнью иных обществ, во втором реализовывалась программа «строительства коммунизма». Население состояло из трех типов масс: представители *homo sapiens* жили в рамках первой реальности; представители *homo communisticus* жили в рамках второй реальности; представители *homo soveticus* жили одновременно и там и там. Сознание первых двух типов было целостным, но таким же оказалось и сознание третьего типа: дуализм бытия этих людей не сопровождался дуализмом мыслей и чувств.

Большинство из них жило без нужды лицемерить — думать одно, говорить другое, а делать третье (как это произошло в брежневскую эпоху).

У *homo soveticus* был живой, в том числе материальный, интерес к «строительству нового общества». Он стал основой возникновения (на территории огромной страны) новой породы человеческих особей, которая сохраняла анатомию и физиологию *homo sapiens*, но отличалась от своих прародителей менталитетом — советским способом чувственного восприятия мира и советской логики суждений о нем.

Однажды возникнув, этот менталитет передавался с молоком матери, поддерживался системой общественного воспитания. До поры до времени он сравнительно совмещал представления о «простой жизни» и «борьбе за коммунизм». Но существовал разрыв во взглядах на мир представителей *homo communisticus* и *homo sapiens*. Этот разрыв свидетельствовал о наличии в структуре массового сознания серьезной трещины. Широкие представители масс не поддались на удочку коммунистической пропаганды и не верили в возможность земли обетованной. Они предпочитали реализовывать не общественные, а свои собственные жизненные цели — без «коммунистического труда» и без «коммунистической морали». Это обстоятельство порождало в поле массового сознания напряжения и конфликты, чреватые серьезными негативными последствиями.

Символы и главное событие

Теперь поместим повесть Петрова в контекст советского менталитета. С такой точки зрения повесть не анализировалась, хотя является первой из известных до сих пор работ Петрова. Повесть состоит из шести глав. В первой-второй главах описан прием кандидатского экзамена по философии в Институте философии Академии наук СССР. Третья-шестая главы посвящены размышлениям героев повести о состоявшемся факте.

Прием кандидатского экзамена — заурядное событие академической рутины. Для Петрова оно стало поводом высказаться о главных проблемах советской действительности и советской философии, описать реальные и назревающие конфликты.

Действие повести происходит летом 1957 года, после XX съезда КПСС (февраль 1956 г.), на котором были частично раскрыты преступления Сталина. Но в том же году Советский Союз вмешался в события в Польше и подавил Венгерскую революцию. Это вмешательство оказало сильнейшее влияние на последующий крах Советского Союза и всего коммунистического движения. Таков политический фон, на котором разворачиваются события повести. «Десталинизация» внутри СССР оказалась связанной с агрессией или ее угрозой против дружественных стран, пытающихся осуществить последовательную десталинизацию.

В своих лекциях Михаил Константинович часто пользовался выражением «несущая частота»³. В его повести такую роль выполняют метафоры «решенные вопросы» и «вивисекторы духа». Предварительно скажу, что термин «решенные вопросы» Петров использовал для обозначения мнимого решения главных социальных проблем, а термин «вивисекторы духа» — для описания генезиса, поведения, сознания и языка, которым оперируют советские философы — главные действующие лица повести. Выражение «фонтан слов» тоже принадлежит М.К.Петрову: «Хотя о философии многие говорят и даже пишут как о неиссякаемом, но слабо парадигматизированном фонтане меняющихся слов вокруг неизменных и вечных проблем, нам такое представление кажется очевидной иллюзией ретроспективы, продуктом дисциплинарной революции ХУШ-ХIХ вв., которая ввела новую парадигму философствования и, очередной раз переписав историю философии, установила и воспроизвела в поколениях философов новое видение того, что теперь следует понимать под философией, ее предме-

³Несущая частота — это частота гармонических колебаний, подвергаемых модуляции сигналами с целью передачи информации. В самих колебаниях с Н. ч. не содержится информации, они лишь «несут» её.

том, социальной функцией» [Петров 1996: 238]. В этом фонтане слов Петров обнаруживает темы, которые не потеряли своего значения до сих пор.

Михаил Константинович снабдил героев повести *символическими именами*. Главный герой — аспирант Института философии АН СССР Юрий Шатов. Это имя отсылает к роману Ф.М. Достоевского «Бесы». Там есть Иван Павлович Шатов — бывший член социалистического движения. Он разуверился в идеях революции и поплатился за это жизнью — его ликвидировали бывшие соратники. Современники утверждают, что Достоевский вложил в уста Шатова свои собственные идеи. Не поступил ли аналогично Петров?

В повести Юрий Шатов сдает экзамен по марксистско-ленинской философии в Институте философии АН СССР, в котором Петров учился в аспирантуре. Сюжет строится вокруг этого факта. Однако в петрововедении нет исследований, посвященных обстоятельствам сдачи кандидатских экзаменов Петрова. Приходится ограничиться догадками, — они тоже выполняют эвристическую роль. Я думаю, не помешает догадка о Юрии Шатове как рупоре идей Петрова. Насколько эта догадка вытекает из содержания повести? И помогает ли она связать повесть с основной проблематикой творчества Петрова?

Другие действующие лица тоже названы символически. Председатель экзаменационной комиссии — номенклатурный советский философ Дмитрий Иванович Модестов. Имя «Модест» в переводе с латыни означает «скромный». Из истории православия известно, что мученик Модест, архиепископ Иерусалимский, угодил Богу подвигами поста, молитвы и заботами о восстановлении Иерусалима и его церковью. Какое восстановление имел в виду Петров? — понять трудно. Но в последней главе Модестов соглашается с идеями, которые высказывает Шатов на экзамене, и собирается восстанавливать творческий марксизм в единстве с изменением организационных структур Коммунистической партии и Советского государства.

Члены комиссии тоже имеют символические имена. Валентин Ильич Полумакаев — это, скорее всего, аллюзия на Митрофана Ильича Полупортянцева — мифического героя и сталинского академика, образ которого был создан сотрудниками стенгазеты Института философии АН СССР (А. Зиновьевым, Э. Ильенковым, Э. Соловьевым) [Наш филос. дом 2009]. Викторина Никифоровна Победоносцева — бывшая аспирантка Модестова, ныне доктор философских наук, лауреат, авторитет в вопросах истории революционного движения в России. С именем философской гранд-дамы связаны имена ее бывших вздыхателей — Боба Самогонова (гротескность фамилии не требует доказательств) и Игоря Михайлова — бывшего фронтовика, исключенного из партии, изгнанного из Института философии АН СССР. О нем надо сказать особо.

На партсобрании судьба Игоря решила его криком: «Не марксизм вам нужен, уважаемые со степенями и без степеней. Даже не свое место в нем. А только право быть подальше от науки! Право шантажировать народ!... Мелкие вы шантажисты, а не философы!» В частной беседе с Викой Михайлов говорил: «Таких подлецов, как Модестов, вешать мало. За расстреление малолетних расстреливают, а эти вивисекторы духа благоденствуют, кривляются на кафедрах». А в интимном письме Победоносцевой Михайлов называет Модестова и Полумакаева «сворой»: «Как друг хочу только посоветовать: уйди из философии. Как враг — приглядись к революционерам пореформенной Руси. С модестовскими замашками есть где развернуться».

Можно ли утверждать, что устами фронтовика Игоря Михайлова Петров выражает собственное недовольство «сворой философов», которым не нужен марксизм? Независимо от ответа на этот вопрос, Петров ставит важную проблему: какой темой надо было заниматься, чтобы обеспечить себе просперити в советских условиях? Причем, выбор темы был связан с некой трудноуловимой мерой цинизма⁴.

⁴На основании своего опыта скажу, что эта мера всегда существовала. Я брезговал теми, кто писал диссертации на темы, входящие в состав советской пропаганды (типа истории КПСС, развитого социализма, социали-

Победоносцева воспользовалась идеей Михайлова, но превратила ее в фарс. Открывала все новые тайные общества. Под ее пером жена одного революционера-демократа превратилась в боевую подругу, ради конспирации вступающей в половую связь с офицерами. Теперь Модестов брезгует бывшей аспиранткой: «Гении государства Российского, не уйти вам от революционного подполья Викторины Никифоровны. Все там будете». Развивая такой способ рассуждения, в Победоносцевой можно увидеть: носителя вируса советской идеологической инфекции в сфере истории революционного движения; наследницу «кремлевских жен» на вершине политической иерархии, а также походно-полевых жен периода советско-германской войны [см.: Васильева 1993; Грейг, Грейг 2005].

Такова моя вторая догадка, возникшая на основе чтения повести Петрова. Феномен отращения к бывшим аспирантам, которые любят держать нос по ветру, требует особого обсуждения. По своему опыту знаю, что такой способ поведения пережил героев Петрова. Сошлюсь также на одну из бесед с Михаилом Константиновичем. На мой вопрос, чем и как мне заниматься, он ответил: «Не будь коммивояжером». То есть, не занимайся покупкой и продажей идей. Правильно ли я его понял? — пусть подскажут читатели. Но мои бывшие студенты в большинстве руководствуются другой максимой практического поведения: заниматься тем, что котируется, а не тем, что является важной научной проблемой, которая не зависит от конъюнктуры.

Теперь пора выдвинуть гипотезу. Всем известен Победоносцев — Обер-прокурор Святейшего Синода, очертивший Россию «стеклянным взором колдуна». Имя Виктор в переводе с латыни означает победитель. С именем Викторина дело сложнее. В Википедии можно прочесть: слово «викторина» появилось в 1920-х годах. Его придумал известный журналист и писатель Михаил Кольцов в качестве названия газетной подборки, включающей в себя вопросы, шарады, ребусы и т. п. Готовил эту развлекательную полосу сотрудник газеты по имени Виктор. От имени Виктор и произошло слово «викторина». Впоследствии нашли связь этого слова со словом «победа».

Если учесть, что Победоносцева родилась в 1920-е годы, то ее имя связано с шарадой и одновременно с победой в советско-германской войне. Никифор в переводе с греческого означает «победоносец». Значит, историей революционного движения в России занимается трижды Победоносцева, а победа в войне представляет шараду.

Не является ли это скрытой главной идеей повести Петрова: советская идеологическая система в три раза хуже идеологии Победоносцева? И не являются ли члены этой системы трижды Победоносцевыми? Эти вопросы требуют особого анализа. Одновременно они ориентирует на вполне определенную оценку, как минимум, трех явлений:

- идей самого исторического Победоносцева;
- идей советской философии;
- моды на ностальгию за советским прошлым, которым переполнены нынешние средства массового оглупления (так бывший консультант ЦК КПСС А. Бовин предлагает называть нынешние средства массовой информации).

В этом смысле повесть Петрова злободневна.

стического образа жизни и т. д.). Вокруг этих тем крутилась советская диссертационная машина. Будучи аспирантом, провел микроисследование на одной из конференций. В результате сделал вывод: перспектива стать профессионалом, более-менее независимым от идеологической конъюнктуры, оставалась в логике, истории философии и методологии социального познания. И как раз в этих областях философии было меньше всего докторов наук. Одновременно советники высшего уровня партийно-государственной иерархии (консультанты ЦК КПСС) имели возможность вставлять в их официальные речи фразы, которые официально легитимизировали реальные проблемы. Например, в 1976 г. Брежнев в докладе на очередном съезде впервые употребил термин «политическая культура». Я тогда же дал эту тему своей «предбывшей супруге» (как говорит Макар Нагульнов). Она поехала в аспирантуру МГУ и одной из первых защитила диссертацию на эту тему. Напомню, что тема политической культуры принадлежит к одной из классических проблем политической науки.

В эпизодах повести участвуют член партбюро Института философии АН СССР и друг Шатова Владимир Тихов (символическое имя соглашателя), дядя Шатова — подмосковный дачник-отставник, его соседи, а также случайные собутыльники героев (некий майор, старый заводской рабочий, абитуриент философского факультета, случайный милиционер).

Стало быть, установка Петрова при написании повести была *резко сатирической*. Объектом сатиры стала история революционного движения в России и советский философский бомонд. Не вытекает ли отсюда, что существует параллель между повестью Петрова и другими сатирическими изображениями истории революционного движения в России? Не шел ли А. Зиновьев по стопам Петрова в выборе объекта сатиры? Вопросы требуют особого исследования. С учетом факта: Петров писал свою сатиру изнутри группы советских «вивисекторов духа». Но сам термин «вивисекторы духа» означает, что он не был согласен с той вивисекцией сознания, которую предлагала советская философия.

В экспозиции описаны состояния экзаменаторов. Председатель комиссии благодушествует. Газета «Правда» отметила его выступление на юбилее великого немца. Он закончил редактирование второго тома сборника по французским материалистам. После экзамена собирается закончить давно задуманную работу. Послушать в зале Чайковского заезжее диво. Съездить на конгресс, поругаться с «дипломированными лакеями поповщины»⁵.

Валентин Ильич Полумакаев выступает на всех заседаниях с предложениями. Его убеждения производны от передовых статей и докладов в торжественные дни. Неустойчивость вытекает из путаницы идей, неспособности отделить главное от второстепенного. На деле никакой путаницы нет. Полумакаев трезво фиксирует ситуацию в стране после XX съезда КПСС и Венгрии: «Мечутся в верхах, а низы во всем разуверились. Пробуют «жать сок» из думающих, а получается ерунда. «Правда» и «Коммунист» бьют, а думающие не замолкают. Верхушка пятится. Что это? Оттепель или заморозок — вот в чем вопрос! Если весна, нужно думать о тактике. Менять пока ни к чему, а подумать нужно». Иначе говоря, путаница идей прикрывает смену одной и той же тактики приспособления к обстоятельствам.

Теперь о главном событии, вокруг которого выстроена повесть. На экзамене Шатов «завяз в периоде социализма». Ему попались два вопроса: роль критики и самокритики в жизни советского общества; партийность философии. Именно эти вопросы Петров называет «решенными вопросами». С одной стороны, решенный вопрос — это вопрос скользкий, на котором сломана не одна голова. С другой стороны, решенный вопрос — это вопрос, затасканный по кафедрам и учебникам, статьям и пропагандистским листовкам. Умельцы (типа Модестова) могут путем жонглирования или перестановки слов раскрывать такие вопросы с неожиданной стороны. К тому же при обсуждении решенных вопросов каждый может держать в резерве такое количество цитат из классиков в защиту своих идей, что неизвестно, за кем останется последнее слово. Из этого вытекает необходимость быть крайне осторожным при обсуждении решенных вопросов.

Эта линия повести Петрова позволяет увидеть в его идеях предпосылку для анализа поведения и мышления советских и современных спичрайтеров. В идеократических государствах профессии спичрайтеров и профессиональных идеологов совпадают по своему смыслу и содержанию. Не зря в подзаголовке книги на эту тему содержится аллюзия на известный афоризм К. Маркса: «Философы лишь различным образом изменяли мир, дело состоит в том, чтобы изменить его»⁶.

⁵Напомню для молодых читателей, что «дипломированными лакеями поповщины» Ленин называл буржуазных профессоров философии.

⁶«Руководство идеократических государств не может функционировать без услуг спичрайтеров. Советская империя жила и выживала за счет экспорта сырья и благодаря нефтедолларам. Здесь не было никакой идеологии, но простую нефтегазодоллароносную структуру советской политэкономии поддерживала мощнейшая система пропаганды коммунистических идей. Нефть формировала внешний спрос, идеология — внутренний. Современный политический режим в России строится ровно на тех же основах» [Колесников 2008: 22].

Шатов — это «чистой души романтик». Его никто не просил в спичрайтеры, он дает свое решение уже решенного, т. е. официальной точки зрения. Я исследовал специфику официальной точки зрения на факты и события социальной действительности. В общем виде официальная точка зрения — это сумма взглядов и опыта и правительства по решению социальных проблем. Официальная точка зрения выражает стремление правительства к *монополюльному суждению* о положении дел в обществе и государстве, а также опыт пренебрежения правительства к реальному положению дел в обществе и опыт его выживания в условиях перманентной социальной дезорганизации.

В этом смысле позиция Петрова однозначна: никакой монополии правительства на решение социальных проблем он не признавал; все «решенные вопросы» подлежат пересмотру. Покажу это на конкретных примерах «решенных вопросов».

Вопрос о роли критики и самокритики в жизни советского общества Шатов излагает в языке официального марксизма-ленинизма. Есть два рода критики — критика словом и критика оружием. Обе критики вскрывают ошибки и показывают пути устранения недостатков. С одной стороны, в период строительства социализма роль критики резко возрастает, с другой — ее функция как инструмента преодоления недостатков затруднена. В процессе ответа Шатов высказывает неожиданный тезис: при капитализме партия больше застрахована от ошибок, чем при социализме. Этот тезис он аргументирует опять же двумя официальными концепциями естественно-исторического процесса. Эволюционная концепция характерна для ревизионистов, революционная — для марксистов-ленинцев. Согласно первой концепции, переход от капитализма к социализму происходит с естественной необходимостью. Поэтому критика сводится к минимуму, а диктатура пролетариата и партия как руководящий научный центр не нужны. При революционном понимании естественно-исторического процесса критика становится максимальной, выступая в двух видах: практическая критика, подчиненная реализации уже принятых решений; теоретическая критика, связанная с подготовкой решений. Во втором случае плацдарм критики открыт для всех, поскольку идеальных решений не бывает.

Иначе говоря, критика должна быть универсальным социальным феноменом социализма. В противном случае цели революционного движения останутся на бумаге.

Такова позиция Шатова. Аспирант явно зарвался. Мудрый Полумакаев задает ему каверзный вопрос. На прошедшем партсобрании одно критическое выступление все осудили как вредное и антипартийное. Шатов тоже за это голосовал. «Как совместить ваши действия на собрании с тем, что вы говорите сегодня?» — спрашивает Полумакаев. Шатов отвечает: на партсобрании речь шла о вредном, а не антипартийном выступлении. Был плач о том, что все в институте плохо, а как из «плохо» сделать «хорошо», — сказано не было. Поэтому Шатов не видит противоречия между своим поведением на собрании и тем, что он говорит сейчас. «Сегодня для меня экзамен, и я не имею права скрывать свое понимание того или иного вопроса».

Стало быть, герой повести Петрова не признает ни двоемыслия, ни разрыва между словом и делом. А как раз на этом пространстве (двоемыслия и разрыва между словом и делом) функционировали отряды советской идеологической бюрократии. Ликвидация двоемыслия и разрыва между словом и делом — такова сверхзадача Шатова. В ней можно увидеть первую формулировку идеи палубной культуры, культивирующей единство слова и дела как основы европейской культуры. Согласно Петрову, экзамен есть разновидность исповеди, поскольку он требует предельной искренности. Между тем советская школа и общество в целом эту искренность систематически подавляли. Поэтому критика системы образования — не менее значимая тема всего творчества Михаила Константиновича.

Тому, кто не сдавал экзамена по катехизисам советской официальной философии и не сидел на партсобраниях, это словопрение покажется схоластикой. Некоторые мои коллеги считают, что творчество Петрова тоже схоластично. Но при этом схоластику они понимают

по канонам советской официальной философии, а не как живой процесс развития мысли в рамках христианства. Возникает также вопрос: все ли нынешние аспиранты и преподаватели философии и гуманитарных наук отвергают двоемыслие и любой разрыв между словом и делом? Мой опыт наблюдения за жизнью прошлых и нынешних студентов и коллег толкает к противоположному выводу. Значит, концепция Михаила Константиновича созвучна нынешней российской реальности — от поведения предпринимателей до политической сцены [Волков 2002; Олейник 2011].

Однако позиция Полумакаева тоже не устарела: «Развивая тезис о революционном понимании естественно-исторического процесса, — гнусавит он, — вы, товарищ Шатов, упомянули о выборе лучшего решения. Не кажется ли вам, что такое понимание показывает в сомнительном свете нашу действительность? Ведь, по-вашему, в прошлом могли приниматься не лучшие решения. А такой взгляд на нашу социалистическую действительность открыл бы настежь ворота для оголтелой и злобной критики со стороны враждебных элементов. Как вы думаете, аспирант Шатов?»

Шатов отвечает: к научному понятию неприложимы опасения экзаменатора; не всякая болтовня (то, что экзаменатор называет «оголтелой и злобной критикой») является критикой; нет смысла кричать о том, плоха или хороша наша действительность, могла ли она быть лучше или является лучшей из возможных; понятие наилучшего решения бросает тень сомнения на любое принятое решение; задача теоретической критики лежит в будущем, а не в прошлом: «Для настоящего коммуниста не бывает такой действительности, которая не могла бы быть заменена лучшей».

Иначе говоря, Петров отвергал три разновидности мнимой критики того общества, которое строилось в СССР:

- традиционное отношение к критике, когда критика отождествляется с нанесением вреда («Не выносить сор из избы»);
- идеологическую болтовню под видом критики («оголтелая и злобная критика»);
- онтологический презентизм (концепт «мира, лучшего из возможных»).

Подчеркну, что все эти феномены существуют до сих пор в России. Значит, идеи Петрова не устарели и могут рассматриваться в соотношении с частным и тотальным понятием идеологии Карла Мангейма. Оба эти понятия можно использовать для критики повседневных и правительственных идеологем в разновидностях мнимой критики.

Шатов считает свое мнение гипотезой, которая требует подтверждения или опровержения практикой. По его мнению, организационные формы теоретической критики должны учитывать конкретно-исторические условия 1950-х годов в СССР:

- неизжитый в сознании «культ личности»;
- привычку не размышлять о высоких материях;
- опираться на авторитет имени, а не на истинность.

По его мнению, все эти явления образуют ту «сумму обстоятельств», которую надо устранить. Иначе говоря, согласно Петрову, нормальное общество предполагает таких индивидов, которые отвергают любой культ личности, постоянно размышляют о высоких материях, руководствуются авторитетом истины, а не имени. Развивая такой ход мысли, можно сказать, что до тех пор, пока общество не состоит из таких индивидов — оно должно быть предметом критики. В этом смысле критика выходит за пределы капитализма и социализма, а также противоположности между ними.

Для борьбы с реальной «суммой обстоятельств» аспирант предлагает анонимную партийную дискуссию как постоянный орган критики. Каждый член партии должен иметь право высказаться по всем вопросам программы и устава партии, не раскрывая своего имени. Такой механизм свел бы к нулю субъективный момент, не позволил бы зарабатывать авторитет на дешевом критиканстве или опровержении критики. Ценность предложений можно было

бы определить общепартийным голосованием. Получившие большинство голосов предложения следует использовать как директивы для ЦК.

Таким образом, над ЦК и рядом с ЦК была бы поставлена безликая, но действенная сила — партийный разум. ЦК превратился бы в исполнительный орган, ограниченный в своей деятельности директивами дискуссии. Здесь возникает попутная проблема: тождественна ли безликая сила партийному разуму? Как этот разум смог бы решать классическую проблему господства большинства над меньшинством и учета мнения меньшинства? Но Петров не рассматривает эту проблему.

С этого момента прение между экзаменатором и аспирантом приобретает политический смысл в контексте классической проблемы о соотношении веры и знания. Полумакаев шокирован: «Вы что, не верите ЦК? Не верите в правильность его действий?»

Позиция Шатова такова. Коммунисты — это единомышленники, а не единоверцы. Отношения между ними и ЦК не могут строиться на вере. ЦК — не бог, а исполнительный орган партии. Он позволяет единомыслие превратить в единодействие. Единомыслие без знания невозможно. Каждый коммунист имеет право не верить ЦК, а знать и участвовать в теоретической подготовке всех общепартийных решений. Кроме того, коммунист-философ-разведчик — это знаток той области, из которой исходит в своих действиях и решениях ЦК. Можно верить водителю, летчику, машинисту, физику, химику как специалистам в своей области. Водители, летчики, машинисты, физики имеют право верить специалистам-философам. Без этого при современном разделении труда невозможно. «Но верить в своей области, отказываться от знания в пользу веры — это не доблесть, а преступление».

Из этого отрывка вытекает: Петров отвергал любое отождествление веры и знания на вершине и на всех остальных уровнях государственной иерархии; а поскольку «иерархия» означает священноначалие, постольку он отвергал также институционализованную религию; вера возможна только в узких рамках профессионального разделения труда; философы-коммунисты снимают это разделение, поскольку их знание является всеобщим в сфере подготовки и принятия решений.

Но и здесь остается проблема: разве на основе специального знания не произошел ряд технических и социальных катастроф на протяжении XX века? Значит, в самом знании есть неустранимые элементы веры. Возникла целая теория катастроф. По крайней мере, готового и окончательного ответа на проблему соотношения веры и знания нет, есть только определенные тренды в толковании этой проблемы.

В ответ Полумакаев переходит на милитарный жаргон: «Все мы не только единомышленники, мы бойцы одной армии». Аспирант в ответ иронизирует: «Разные бывают бойцы, Валентин Ильич. — Самая блестящая фигура в армии — полковой барабанщик. Незаменим при парадах. Только мне кажется, что место коммуниста-философа не в обозе и не в оркестре, а в разведке. И, как разведчику, философу не нужно бояться вымазаться в грязи, залезть в болото. Дело не в том, чтобы выйти сухим из воды, а в том, чтобы застраховать основные силы от неожиданностей. А парады, барабанный бой — это и без философии можно...»

Затем Шатов излагает и критикует официальную точку зрения на партийность в философии и науке: «Следует различать партийность гносеологическую и партийность политическую. В пределах гносеологии есть лишь две позиции: материализм и идеализм, между ними эклектическое болото. Быть материалистом, вовсе не значит — принадлежать к той или другой политической партии. Более того, любая партия, в зависимости от характера задач, которые она реализует своей практикой, вынуждена стоять на позициях материализма. Другое дело партийность политическая. Здесь речь идет уже не о характере знания, а об использовании заведомо объективного знания для организации практики в интересах той или иной социальной группы. Этот второй вид партийности, о каких бы интересах ни шла речь, весь без остатка включен в материализм, т. е., чтобы действовать, нужно быть материалистом... Поэтому представляется неправомерным эклектическое смешение двух разнород-

ных вопросов в одной формуле. Это даже опасно, так как порождает у коммунистов ничем не оправданные фантазии о монополии рабочего класса и его партии на знание. Опасно и тем, что разоружает рабочий класс и его партию перед лицом сильного и, это нужно подчеркнуть, знающего противника».

При обсуждении вопроса об оценке ответа Шатова Полумакаев предложил двойку с примечаниями о завирательном характере идей аспиранта. Модестов предложил считать экзаме́н несостоявшимся. Дама его поддержала. Полумакаев пишет особое мнение...

Чтобы оттенить оригинальность точки зрения Шатова на роль критики при социализме, Петров описывает еще две позиции по этому вопросу:

1. Разговоры под выпивку и закуску⁷. Если считать их социологически репрезентативными, то большинство народа оценивало годы после смерти Сталина так: начальство меняется, порядки остаются; за что боролись, на то и напоролись; напоролись на тысячи градоначальников, партийное, советское и армейское начальство.

2. Использование нерешенных бытовых и коммунальных проблем для нейтрализации критики: «Новый градоправитель философствует: пока моста нет, говорит, в городе спокойствие и порядок. У кого, говорит, живот заболит или демагогия одолеет — мост все отсасывает. Лиши, говорит, город этого вытяжного компресса, кто знает, какие метастазы даст рак критики. Он у нас и жилищный кризис решил. Занесло к нам делегацию, не поймешь какую, из себя черную, общительную. Первым делом — в горсовет. Удивились цифрам, спросили о том, о сем, а потом о жилищных условиях... Площадь города председатель знал, а о числе жителей догадывался по данным тридцать девятого года. Однако не растерялся. Строим, говорит, но криков все равно много. А должен, говорит, заметить, по ночам люди где-то спят. На улицах их нет, сам проверял... Переводчик раза три спрашивал, пока решился перевести, да и то в смягченном виде. Гости посмеялись, горожане тоже...».

В советской терминологии 1950-х гг. журнал «Крокодил» и комсомольские прожекторы использовали термин «плесень» для обозначения «стиляг» и прочих нарушителей советского образа жизни. Петров использовал официальный термин для обозначения советского начальства. Общественное мнение создавалось в пивных, трамваях и ресторанах. Но и этот канал пресекался — пивные переименовывали в молочные бары. Поэтому на местах после смерти Сталина никаких изменений не происходило: «Так что и в этом пункте у нас по-старому: пиво, раки, «три семерки». В этом смысле само советское начальство способствовало преобразованию социализма в капитализм: «А что, Костя, если это расчет, — говорит один из героев повести, — не простой, с загадом положен? Может, кому-то нужно, чтобы у нас всю жизнь был приятный вечер? Водка, танцельки, бабы? А чуть подумал или попробовал сказать, сразу Мартыновы налетят руки крутить, рот затыкать! Может, кому это нужно, а? Общедоступная пивная... Градоначальники. Мартыновы... Общероссийский бардак с девизом: «Здесь не думают. Здесь пьют водку и шупают баб». Дадут тебе пожизненный стакан водки, пожизненную закуску...»

Теперь сделаю промежуточный вывод: коммунист-философ-разведчик Петров почти за столетия предвидел развитие событий. И даже сочинил вывеску на воротах нынешней России. Эта перспектива его не устраивала. За это предвидение его исключили из КПСС. Причем, акция произошла в период так называемой «десталинизации».

На склоне советской власти С. Липкин предлагал описывать процесс замены «принципиальных изуверов» первых десятилетий советской власти на «продажных золоторотцев» периода ее заката. С его точки зрения тело нынешнего российского государства — это синтез золотарей с сифилитиками, и потому лучше СССР⁸. Видимо, Петров согласился бы с такой точкой зрения только в описательном, а не нормативном смысле.

⁷При этом обсуждались конкретные темы середины 1950-х гг.: события в армии, речи Чжу Дэ, проблема единоначалия и роли парторганизаций в армии, желание поставить армию вне политики, изменения в провинциальном городе, факт отмены шпиков, арабо-израильская война и пр.

Дядя и всенародные Бутырки

Шатов живет на даче у дяди. Василий Николаевич — отставник, охотник, любитель выпить, сыграть в преферанс, поговорить на политические или охотничьи темы. Он сразу после смерти Сталина «удалился от дел». Перестроил дачу, завел собаку, перетащил с московской квартиры холодильник, телевизор, библиотеку. Навыписывал газет, журналов, осел за городом. Под вечер приходили выпить и поболтать друзья-охотники. По пятницам Василий Николаевич выезжал в Москву на заседания охотколлектива, за впечатлениями, за продуктами.

Под выпивку и закуску дядя вместе с соседом-сослуживцем и отставным генералом обсуждают, как из вертолета охотиться на волков под эгидой ДОСААФ. Шатов тоже принимает участие в обсуждении этого нешуточного вопроса.

Фигура дяди и его соседей подозрительны, поскольку они недавно были уволены в запас. После смерти Сталина произошло массовое увольнение в запас и уход в отставку многих сотрудников НКВД. Самые отъявленные заплечных дел мастера во главе с Берией были расстреляны в декабре 1953 года⁹.

...Я прекрасно помню, как в 1950-е годы большая часть жителей страны ходила в ватниках, стояла в очередях за хлебом, считала благом картошку с соленым огурцом. Сам стоял в очередях с пятилетнего возраста. За волками охотиться тогда могли себе позволить только бывшие сторожевые псы власти — «верные Русланы», на которых стояла советская держава (если вспомнить образ Г. Владимова). Здесь возникает первое сомнение в фигуре *коммуниста-философа-разведчика* как необходимого звена в связи между марксистской философией и практикой. Эту фигуру Петров противопоставлял не только «вивисекторам духа», но и сексотам-соглядатаям.

В повести посетители пивной обсуждают факт отмены шпиков после смерти Сталина. Одни считают, что это хорошо, другие — что шпики никому не мешали. Они дежурили и в пивных. Им даже наливали в долг сто грамм. А теперь вышла воля — приходится «лишка пить через твою свободу — пол-литра на троих». Из-за свободы получилось одно сомнение, крушение веры. «Вот теперь, куда ни глянь — все на волоске. У хозяина и кукурузу не сеяли, и министерства были, и займы в аккурате — март-апрель вроде престольного праздника. И с голоду не помирали, на пиво, на сто грамм всегда хватало... А теперь будто у тебя с утра душу вынимают, будто тебе на какое несоответствие пальцем грозят, а не объясняют. А ты заладил: свобода! Ты вот в рассуждение прими, какой от тебя толк, полезность какая государственности?»

Из этой цитаты можно извлечь несколько выводов:

- алкогольно-бытовой (или ментальный): современная мода пить на троих — продукт отмены шпиков при Хрущеве;
- этатистский: некоторые граждане оправдывали существование шпиков пользой государства.

Коммунист-философ-разведчик Шатов с такой пользой не имеет ничего общего. На протяжении повести он ведет внутренний монолог с собой, а в диалогах развивает идеи: чи-

⁸«Сейчас критики режима из числа его создателей и слуг кручинятся по поводу того, что среди среднего, старшего и высшего состава руководителей растут шовинизм, стяжательство, жадность, грязного пошиба эпикурейство, полное равнодушие, презрение к всечеловеческой идее да и вообще ко всякой идее. Как это ни странно, а нам, жителям, такая кажущаяся деградация приносит известное облечение, выход. Принципиальные изуверы досталинской эпохи и периода первых пятилеток были для населения хуже, вреднее нынешних алчных, продажных золоторотцев, не верящих ни в чох, ни в сон. Тело государства, пусть медленно, пусть болезненно, освобождается от раковой опухоли путем заражения сифилисом. Благой путь!» [Липкин 1997: 98-99].

⁹ Хорошо помню эту ситуацию. В декабре 1953 г. отец пришел с работы, дал мне газету и сказал: «Читай, сынок!». Так я впервые познакомился с официальной информацией о смерти главных сталинских палачей.

стоты перед своей совестью; борьбы за право быть коммунистом-философом; связи науки с практикой. По его мнению, без реализации этих идей не будет ни философии, ни коммунизма, сколько бы ни кричали о всех дорогах, которые ведут в коммунизм.

Тут я полез в Интернет и нашел там сборник «Песни о Ленине и Сталине», среди которых одна так и называется «Все дороги ведут к коммунизму» (слова Л. Ошанина, музыка М. Коваля)¹⁰. Хорошо помню, что в 1950-е годы на площадях висели динамики, которые с 6.00 до 12.00 вели радиовещание. Транслировали песни о позараставших путях-дорожках, включая путь к коммунизму¹¹.

Иначе говоря, герой повести отвергает еще один тезис официальной идеологии: о многообразии путей строительства коммунизма. Шатов решительно формулирует главную идею одного пути к коммунизму: соединить идеологию, партию и науку. Его проект выглядит так: в коммунизм ведет одна-единственная дорога; на ней много не обозначенных классиками перекрестков и поворотов; нужно разобраться, не проскочили ли нужный поворот, не надо ли отступить в вопросах семьи, быта, партмаксимумов; сделать это может только свободная от гипноза имен и авторитетов, связанная с практикой наука для миллионов и силами миллионов; за это надо бороться с «вивисекторами духа»; без жертв не обойтись, но не надо бояться; в партии больше людей, подобных Шатову; всех из партии и из науки не выгонишь; надо не поднимать руку на партию, а завоевать ее изнутри; лишь после этого партия станет орудием построения коммунизма — в первую очередь научной силой, а затем направляющей и руководящей. Ради этого надо быть философом.

Такова «внутренняя речь» героя повести. Я думаю, мысль о выборе философии как жизненного призвания ради построения коммунизма крайне дискуссионна. Не менее спорна идея о философии как средстве соединения знания о коммунизме как некоем будущем состоянии и разведывательной деятельности. Может быть, Петров здесь говорит о мотивах собственного выбора философии? На этот вопрос тоже можно ответить только гадательно.

Для разгадки я предлагаю использовать мысль Карла Маркса, который еще в XIX веке писал о связи революционной и шпионской деятельности [см.: Макаренко 1989: 43-44]. Эта мысль развита К. Шлегелем, изучившим специфику коммунистического агента как нового культурного типа [см.: Шлегель 2004: 409-416]. Техника, методы и персонал советской системы разведывательных служб были заимствованы из опыта подпольной работы русских революционных партий, а не у царской разведслужбы. Два поколения революционеров эпохи до 1917 года подняли технику подполья на высокий уровень. Конспирация — совокупность правил политической подпольной работы — стала естественным революционеров. Революция поднимала подпольщиков на вершину власти. Они использовали технику конспирации в легальной политической деятельности. Элементом данной техники было российское толкование теории революции. В результате мир столкнулся с новым политическим стилем. Его суть в том, чтобы хорошо анализировать общественно-политические течения, формулировать результаты анализа и использовать их на практике.

Новые политики превратили революционное слово в важное средство деятельности. Агент нового типа вынужден был быть умным, поскольку действовал в ситуации собственного бессилия и безвластия. Его самостоятельность вытекала из осознания «движущих сил» истории и убежденности в том, что он действует заодно с ними, а не против них. Он полагал, что никто не в состоянии противостоять диалектике распада и революции. Он знал, как вести себя в социальной лаборатории. Он работал вместе с историей, позволяя времени работать на себя. Его главная добродетель заключалась в терпении, способности выждать нужный момент. Но когда момент наступал, он рисковал всем. Ему были чужды угрызания совести, поскольку действия были связаны с контекстом истории и мирового революционного процесса.

¹⁰См.: [Электронный документ]. Доступ: <http://vault.exmachina.ru/songs/13>

¹¹Мой армейский друг — поэт Валентин Штубов описал это так: «А над казармой хрипело радио, / И тошно было лишь нам двоим».

Чекисты всегда считали себя «разведчиками», а не шпионами. Они знали, что могут погибнуть при выполнении задания, и никто никогда не узнает, что они «погибли в борьбе». Поэтому первым делом они создавали прикрытие — в виде импортно-экспортных фирм, магазинов деликатесов, антикварных лавок, были финансистами, кадровыми руководителем. Эта публика была способна на все — от реорганизации торговли мехами до подбора профессиональных убийц. У них не было проблем с собственной идентичностью, поскольку они ее постоянно меняли, чтобы оставаться верными себе. Этот реальный тип был воплощен в тысячах конкретных людей.

Главное качество советского агента — открытость миру. Данный тип восходил к старым имперским структурам. Он служил движению, которое выходило за пределы вновь созданных национальных государств. Чекисты первого поколения были необходимы советскому режиму до тех пор, пока их существование зависело от продолжения мировой революции. Но революция выродилась в обновление российской государственности. Поэтому возник спрос на чиновников, прислужников и великодержавных шовинистов, отличающихся слепым повиновением, а не самостоятельностью.

Послевоенные агенты порвали все связи с революционной средой и вернулись к классическому типу шпиона. Они воплощали тип коммунистов, которые сходили с конвейеров партийных школ. Их головы были забиты готовыми идеологическими штампами, а сердца пусты. Для большинства таких агентов главным были деньги, а не революционные идеи. Иерархическая система делала ставку на подчиненные, а не на самостоятельные головы.

Эти общие характеристики советской агентуры подтверждаются текстом повести. В том числе диалогом между героем повести и членом парткома Владимиром Тиховым. Тот мрачнеет, едва услышав, что не надо верить ЦК. Называет Шатова революционером-подпольщиком и недоделанным теоретиком. Шатов в ходе спора однозначно определяет всю советскую властно-управленческую структуру как бюрократическую: «Везде сидят люди, влюбленные в устойчивость. Для них каждое новшество должно идти сверху». Значит, Михаил Константинович имел в виду первое поколение советских агентов.

В то же время на лекциях он употреблял термины «митингование» и «лозунгование» с ироническим выражением лица. Читая повесть, я убедился, что под этими терминами он имел в виду связь философии с практикой через курятник. Так Петров описывал советскую практику бытования философии. Эту практику он называл обманом. А реальная проблема состояла в том, что строительство коммунизма лишено научной основы.

Коммунист-философ-разведчик отвергает все советские организационные способы решения этой проблемы: рабскую привычку спрашивать на все разрешение в партийных и советских органах; обсуждение проблем на партсобраниях; использование цитат из классиков для обсуждения проблем сегодняшнего дня; использование наглядной агитации; чтение циклов гонорарных лекций для населения через общество «Знание». По его мнению, сами философы не в состоянии решить проблему связи теории с практикой. Ее можно решать только вместе с практиками, да и то только с ЦК как вершиной иерархии. Но в этом пункте философы пугаются и создают комиссии по подготовке собраний или конференций. Однако обращение к аппарату ЦК тоже бессмысленно. Там скажут: «Идите-ка вы к черту, философы. Без вас дел хватает». Призывы главных органов партийной прессы (газеты «Правда» и журнала «Коммунист») тоже бесперспективны. Возникает тупик. Как из него выйти?

Выход из тупика возможен при согласии с предсказанием Шатова: предстоит война в области духа, со своими героями, жертвами, трусами, перебежчиками и неизвестными солдатами; поэтому он считает себя в строю, а не отставником. Будущее нужно сделать лучше настоящего с помощью партии. Шатов называет свою версию партийного строительства «мечтой о партии». Без партии коммунизма не построишь. Но нужна иная партия.

Шатов высказывает свою сокровенную мечту. Партия вышла из капитализма архаической машиной. Ее надо превратить в гибкое и мощное оружие в руках общества, строящего

коммунизм. Но партия не должна стоять над обществом или вне общества. Под знамена такой партии нужно собрать все лучшее и думающее страны. Надо поставить над ЦК ученый совет партии. Выборы в него производить всепартийным тайным голосованием победителей в борьбе идей, а не имен. Надо предпочитать идеи именам и авторитетам. Запретить членам совета иметь имя. Часто их переизбирать. Добиться, чтобы ученый совет был безымянной силой, ступком человеческого знания и энергии. Все посты сделать выборными по идеям, а не по именам. Устранить институт партийных работников. Поставить машины для учета. Превратить актив из назначаемого в выборный. Строго спрашивать с активистов за конкретные задачи. Выдвигать по несколько кандидатов. Все построить на конкурсе идей и способностей. Сделать партию подвижной, гибкой, сильной. Карьеристы, любители тихой жизни из нее уйдут сами. Все честные, думающие, энергичные люди страны должны быть в партии. Короче говоря, в партию надо собрать самых талантливых людей. Ради такой партии Шатов готов положить все силы.

Разумеется, нетрудно увидеть в этих предложениях один из вариантов философской утопии, перерастающей в политический манифест. Значительно важнее подчеркнуть: уже в первой своей работе Петров отвергает лично-именной (характерный для традиционного общества) и профессионально-именной (характерный для капиталистического общества) принципы строительства партии и настаивает, что только абстрактно-понятийный принцип (анонимная всеобщая дискуссия) может решить проблему партии как средства строительства коммунизма. В его последующих работах постоянно встречается постулат машины с КПД в 100%, по отношению к которой все реальные механизмы (от телеги до ракеты) открыты для постоянной критики и улучшения. Эти идеи входят в состав его концепции социокода. Отсюда вытекает, что любое сохранение в реальности лично-именного и профессионально-именного социокода является воспроизводством традиционного и капиталистического способа социального устройства. Возникает проблема их оценки. Петров считал архаизмом любую персонификацию власти и знания, а также их взаимосвязь. Значит, его концепция эвристична для оценки всех современных форм лично-именного и профессионально-именного социокода.

Но с точки зрения культурных стандартов поведение героев одинаково. Ради разрешения сомнений дама рассматривает фотографии, включая фото ее кумира Модестова. Мужчины участвуют в коллективном распитии спиртных напитков — если использовать язык партийно-милицейских протоколов. Коммунист-философ-разведчик выпивает с подозрительным дядей и его однополчанами. Сталинский философ Модестов идет в пивную, циник Полумакаев — в ресторан. Хотя пьяным никто не валяется, все с удовольствием вспоминают о прошлых выпивках. Размышляют о прожитой жизни и открывают душу перед случайными собутыльниками. Души эти малоинтересны. Но по русскому обычаю придется в них покопаться.

Под влиянием экзамена бывший сталинист Модестов решает перековаться. Несмотря на все оговорки, ход его мыслей сводится к историческому оправданию Сталина. Попутно Петров критикует именной тип социокода уже при советском социализме. Именно бывшему сталинисту он вкладывает в уста заключительную политическую мудрость: драка не закончилась, хотя у партии ничего не осталось, кроме веры в коммунизм. Сталин умер — и обнаружилась духовная смерть партии. При описании этого феномена Петров использует выражения «средства подавления мысли», «аппарат дистилляции мысли», «фильтры подавления мысли». Речь идет о сложившихся при Сталине социальных институтах — отрицание дискуссий, отсутствие теоретических органов, тройная цензура, многоступенчатое обсуждение, реферирование, редактирование, подгонки мысли под классический стандарт. Все это душит партийную мысль. Раньше свободой мысли, правом разрабатывать теорию пользовался один человек. В итоге никто ничего не может. Люди, подгоняющие всех и все под Сталина или под любой другой заданный образец, живут и здравствуют. Опять хотят найти нормы, канон-

низируют мысль прошлого. Характерно, что в последующих работах Петров использовал эти же идеи для анализа СМИ, особенно телевидения.

Сталинскому *придворному философу* Петров приписывает одобрение шатовской формулы «коммунист-философ-разведчик». Модестов начинает размышлять о технологии реализации шатовских идей. Марксизм как источник мысли иссяк. Общество вступает в область, куда не могло проникнуть исторически ограниченное предвидение классиков. Без научного подвига до коммунизма не добраться. Но партия к этому не готова. Значит, надо открыть дорогу творческим исканиям вступающих в науку миллионов.

Модестов соглашается также с идеей анонимной закрытой дискуссии как средстве координации мышления. Он предлагает: вести дискуссию по всем вопросам теории и практики; постепенно расширить круг допущенных к развитию теории; воспитывать мышление рядовых членов партии на конкретных делах парторганизаций; включать в дискуссию специалистов, сдавших какие-нибудь экзамены. В целом речь идет о ликвидации иерархии в жизни партии — т. е. раздела на верхи и низы. Тогда все бы хваталось за книжки. Такая работа вооружит партию живой, гибкой наукой, творческой энергией миллионов. Если же оставить все по-прежнему, духовно инертная партия дискредитирует себя, станет в глазах народа орудием субъективного произвола немногих или одного. Потерявший веру народ воспримет партию как чуждую и враждебную силу, экспериментирующую на нуждах и лишениях народа. Тогда все пойдет прахом. Прошлое станет напрасным.

Таким образом, Петров предсказал крушение идеи коммунизма и распад КПСС и СССР почти за полсотни лет. Не исключено также, что идеи «нового мышления» списаны у Петрова.

Теперь о фигуре *циника*. Диссертация была почти готова, когда его научный руководитель исчез. Полумакаев построил защиту на полемике с научным руководителем. Две трети вступительного слова посвятил тому, что в диссертации противоречило взглядам научного руководителя. Такое почти научное отмежевание удовлетворило большинство.

Короче говоря, Петров поставил проблему предательства и моральной коррупции как нормы поведения соискателей философской степени в период сталинизма. Но ограничивается ли эта норма данным периодом? — вопрос дискуссионный.

После смерти Сталина Полумакаев пришел к тем же выводам, которые услышал на экзамене от Шатова¹². Но в отличие от Шатова Полумакаев делает выбор в пользу капитализма. Социализм — это переселенческий поезд, в котором тесно, душно, беспокойно, неуютно, плохо. Его терпят ради конечной цели. Но жить в социализме нельзя. А борьба за коммунизм приносит шишки да затрещины. Поэтому капитализм вполне подойдет. «Что, собственно, произойдет, если все пойдет прахом и потерявшее ориентировку стадо повернет вспять?» — ставит вопрос Полумакаев. И отвечает: поворот ему ничем не угрожает, напротив, был бы только к лучшему. Он знает сильные и слабые стороны марксизма, подноготную событий. Поэтому поворот к капитализму создаст для него условия процветания. Но он не собирается быть капиталистом, а хочет стричь купоны со своей идеологической профессии — зарабатывать побольше денег, писать книги по истории партии, читать лекции по истории философии, построить за городом особняк с гаражом и десятком лакеев. Стать хозяином-хлебосолом. Цветом русской интеллигенции. «Пока тебе не надоест восхищаться мудростью верхов, ничто тебе не угрожает и угрожать не может».

¹²Нет науки, чтобы по ней строить коммунизм. Верхушка неспособна создать такую науку. А давать свободу миллионам не хочет. Первый период борьбы за науку будет войной обреченных на гибель одиночек с авторитетом верхушки. Но без науки о коммунизме общество протянет недолго. Тщеславие верхов, апатия низов, безнаказанная духовная и материальная коррупция средних посадят общественный корабль на экономические или на политические камни. Без анализа статистики невозможно найти силу, которая заменила бы рабочее движение. Без такой силы любая теория — несбыточная мечта. А статистика в руках верхушки, которая с ней добровольно не расстанется. Борьба за коммунизм требует в качестве первого шага почти незаметного подвига с фатальным исходом. Людей, способных на такой подвиг, мало, а нужны сотни тысяч...

Решение Полумакаева однозначно: если стадо изменилось, получило иммунитет, нужно изобретать новое стадо. И оно получит свой кнут в виде диалектики. Из людей типа Шатова надо сделать героев последнего акта. Остальным помочь увязнуть в тине. И когда их потянет на болотный островок частного предпринимательства, тогда убрать препятствия на ретроградном движении стада... Лично он собирается взяться за воспитание аспирантов — «реферирование провинциальных гениев». Пока существует монополия знания для избранных, философы всегда останутся знающей тенью. А отбирать знающих тоже будут философы. «Да кто, кроме нас, способен придать наукообразную форму творческим всплескам руководящего мышления?» — так заканчиваются душевные копания циника.

Итак, для всех героев (кроме Шатова) характерно утилитарное восприятие теории. Восторги перед «всплесками руководящего мышления» пока не закончились. Это тоже свидетельствует о злободневности повести.

В заключительной главе сталинский философ лечит душу в разговоре со старым плотником и его внуком. Парень после армии хочет поступить «в университет правды искать». Рабочую правду деда («сделаешь хорошо — почет тебе и уважительность от людей») он считает старой и резиновой правдой лошади. Собеседники опять обсуждают проблему соотношения веры и знания, но теперь при советском социализме. Позиции в дискуссии таковы: внук выступает за знание в коммунизм, дед за веру, но теперь в революцию. Плотник квалифицирует философа как попа, который «решает вопросы» о смысле жизни, правде и греха. Философскую правду он отвергает: «Жмет ваша правда, как неразношенный сапог, в сомненье вводит... Рабочему человеку правду искать не с руки, шишки только схлопочешь. Не рабочее это дело — умствовать». Сталинский философ считает, что функцию попа сегодня выполняют средства массовой информации. А философы вырабатывают «правду для всех». По его мнению, правда одна, но исторически изменчива.

Собеседники выпивают «За правду!» — и в рот, нос, горло бьет помесь сивухи с одеколоном.

Затем парень упрекает профессора в эпигонстве («Ленина и Сталина мы без словаря еще в школе читать научились, а Дмитрий Иванович больше ничего не скажет. Разве что новыми словами»). Философ, с одной стороны, защищает классиков («Ленина и Сталина рано в расход списываете»), с другой стороны, пускается в риторику: «Одними мыслями Ленина и Сталина сегодня не проживешь. Хороши они были для своего времени. Но есть и такое, о чем классики могли только догадываться, о чем им не приходилось думать с цифрами в руках и событиями перед глазами. Здесь и нужно новое, правду искать». Парня интересуют мировоззренческие вопросы. Большинство занято бытом и семьей. А в остальном идут за властью, как слепые щенята: «Топить ведут, к хорошей жизни ведут — нам все равно». Он хочет сам идти и выбирать дорогу. Ему нужна общая правда, а ее нет. «У кого «Москвич», у кого баян в пеленках». Дед ставил советскую власть, а сейчас сочинил свою трудовую правду: «Тюкай, говорит, с закрытыми глазами до усталости, а что вытюкается — не твое дело... Революцию он вроде вместе со всеми делал, а теперь, говорит, что строит дом. «Может, во все не дом, а всенародные Бутырки? Может, сами себе одиночки по вашей правде строим?» Вопрос остается без ответа. Он считает: сознательность скисла, если опять нужна вера.

Последние эпизоды повести банальны: Модестов стоит на мосту, курит, думает; с него не спускает глаз милиционер, выполняющий традиционную советскую роль добродетельного дяди Степы¹³; по приходу домой он глядит по портрет усталого и небритого Ленина, в

¹³«Час на вас смотрю... Вроде просто задумался человек. А кто ж его знает, может, сиганет в воду. Утонуть-то не утонет, метро здесь строили, горб намыли. Шею сломает, если... А все неприятность — непорядок это... Думаю, как шляпу снимет, так я ему и свистну. Страх как не любят свисту, которые от чувств. Охота, что ли, пропадает? Или дело лишних глаз не терпит? Бывает, одним свистом человека спасти можно. Придет в себя, застыдится, благодарить не приходит. И, удивительное дело, всякий норовит шляпу или там галоши снять, будто чем помешать могут. И почему как-то больше мужчины лезут?... Я вот человек десять от беды отвистел, а жен-

простой деревянной рамке; эту икону ему подарил друг Яков, погибший в репрессиях; друг отпускает ему грехи¹⁴. Герой просветляется: «Постараемся разобраться в обломках. Но решать будут миллионы».

Проблемное единство творчества

В учебниках советского времени при Хрущеве период после смерти Сталина назывался периодом активного строительства коммунизма, а при Брежневе — периодом развитого социализма. В современной историографии период с 1953 по 1991 г. называют периодом деградации коммунистического тоталитаризма [См.: Зубов 2009: 291-511]. Поэтому производно от согласия с положительной или отрицательной оценкой данного периода в контексте всей истории СССР и советского марксизма-ленинизма будут меняться и оценки повести Петрова. Но содержание повести ограничивает диапазон изменений. Петров расставил вехи, за которые, как я думаю, выходить нельзя.

В повести Петров предлагает свое решение фундаментальных проблем: роль критики и самокритики в жизни советского общества; соотношение веры и знания; определение и понимание науки; отношение между философией и практикой; отношение к Октябрьской революции, Ленину и Сталину. При анализе этих проблем он предлагает также свое видение антропологических типов (романтик, придворный философ-сталинист, циник), участвующих в «решении» этих вечных вопросов. Фигура коммуниста-философа-разведчика вводится для их решения. Указанные темы являются сквозными для его творчества.

Повесть Петрова злободневна, поскольку его установка при изображении действительности была сатирической. Объектом сатиры стала история революционного движения в России и советский философский бомонд. Петров не был согласен с вивисекцией сознания, которую предлагала советская философия. Никакой монополии правительства на решение социальных проблем он не признавал. Все «решенные вопросы» подлежат пересмотру. Критика должна быть универсальным феноменом социализма. В противном случае цели революционного движения останутся на бумаге. Для борьбы с реальной «суммой обстоятельств» Петров предлагал анонимную дискуссию как постоянный орган критики. Отвергал любое отождествление веры и знания на вершине и на всех остальных уровнях государственной иерархии; отвергал институционализованную религию; вера возможна только в узких рамках профессионального разделения труда; философы-коммунисты снимают это разделение, поскольку их знание является всеобщим в сфере подготовки и принятия решений. Советское начальство способствовало преобразованию социализма в капитализм. Ради построения коммунизма Петров предлагал соединить идеологию, партию и науку.

Фигура коммуниста-философа-разведчика в повести Петрова вводится для решения классической проблемы соотношения веры и знания. Биографический след такого решения явный и тоже требует анализа. Для этого сформулирую общую гипотезу: концепция социокода (разделение всей прошлой истории на лично-именной, профессионально-именной и аб-

щин не видел... Место, что ли, красотой не вышло?»

¹⁴Остался портрет Ленина да слова друга: «Привет, Митя, время придет, и мы напомним о себе вам, живым. Никто вас не упрекнет. Объяснят, что ломалось по незнанию, ломалось в горячке боя. Но вам придется покопаться в обломках. По кусочкам подбирать из наших мыслей то, что годится в дело, что годится для будущего, для завтрашнего дня... Никто, кроме вас, уцелевших, этого не сделает. И когда пройдет пора авторитетов, встанут перед вами задачи, непосильные для одного или десятка, когда понятие «коммунист» будет означать не только «исполняю», но и «думаю», — выпей за нас, неопознанных в общей свалке. За нас, имевших несчастье заглядывать слишком далеко. Ты не бог, Митя, и друзья твои не боги. Но именно вам в свое время разбирать обломки боя, очищать идеи от пыли имен, копать и засыпать братские могилы. Не бросайте туда навалом, не все в этих могилах братья. Я, Митя, и после смерти хочу хоть пылинку, кирпичик внести в общее дело. А оно придет, это время, придет время, когда понадобятся наши кирпичики, пылинки... Ленин — тебе на память. Люблю его такого: думающего, строгого».

страктно-понятийный типы), которой Петров оперировал в своих исследованиях, а также концепция «настоящего-будущего» (разделение будущего на мертвую зону, зону социального творчества и конечных целей) являются развитием идей, высказанных при обсуждении темы о роли критики и самокритики в жизни советского общества. Отсюда вытекает, что эта повесть является источником проблемного единства творчества М.К. Петрова. В любом случае социокод не имеет никакого отношения к ушлым ребятам и девицам, толкующим ее без учета проблем повести Петрова, применительно к обстоятельствам и собственному усердию не по разуму [См.: Филатова 2011].

-
- Васильева Л. 1993. *Кремлевские жены*. — М.: Вагриус.
- Волков В. 2002. *Силовое предпринимательство*. — М.
- Грейг О., Грейг О. 2005. *Походно-полевые жены*. — М.: «ПРЕССКОМ».
- Грушин Б.А. 2006. *Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина в 4-х книгах. Жизнь 2-я. Эпоха Брежнева (часть 2)*. — М.: Прогресс-Традиция.
- Дубровин В.Н., Тищенко Ю.Р. 2010. Модели науки и культуры в творчестве М.К.Петрова. — *Михаил Константинович Петров*. Под ред. С.С. Неретиной. — М.: РОССПЭН.
- Зубов А.Б. (ред.). 2009. *История России: XX век: 1939-2007*. — М.: Астрель: АСТ.
- Колесников А. 2008. *Спичрайтеры. Хроника профессии, сочинявшей и изменявшей мир*. — М.: АСТ: Хранитель.
- Липкин С. 1997. *Квадрига. Повесть. Мемуары*. — М.
- Макаренко В.П. 1989. *Бюрократия и сталинизм*. — Ростов-на-Дону: Изд. Ростовского государственного университета.
- [Наш философ. дом]. 2009. *Наш философский дом. К 80-летию Института философии РАН*. — М.: Прогресс-Традиция.
- Неретина С.С. 1995. Приглашение к разговору. — Петров М.К. *Искусство и наука. Пираты Эгейского моря и личность*. — М.: РОССПЭН.
- Олейник А. 2011. *Власть и рынок: система социально-экономического господства в России «нулевых» годов*. — М.
- Петров М.К. 1996. *Историко-философские исследования*. — М.: РОССПЭН.
- Петрова Г.Д. 2012. Письмо в редакцию. — Политическая концептология. — № 3. — С. 143-144. Доступно: <http://politconcept.sfedu.ru/2012.3/09.pdf> Проверено: 24.05.2013.
- Тищенко Ю.Р. 2003. Два эпизода из жизни М.К.Петрова. — *ЕН АРХИ*. — № 2. Философское и культурологическое осмысление: феномен восточнохристианской цивилизации. Научн. ред. Ерыгин А.Н. — Ростов-на-Дону. — С. 105-113.
- Филатова А.В. 2011. *Философский анализ социальных кодов современного бизнес-образования*. Автореф. дисс. канд. филос. наук. — М.
- Хархордин О. 2002. *Обличать и лицемерить. Генеалогия российской личности*. — СПб-М.
- Шлегель К. 2004. *Берлин, Восточный вокзал. Русская эмиграция в Германии между двумя войнами (1918-1945)* / Пер. с немецкого Л. Лисюткиной. — М.: Новое литературное обозрение.